

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧЕНЫХ г. ТОМСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.B25.31.0009)

На материалах архивных документов, источников личного происхождения, периодической печати и научной литературы исследуются условия научно-исследовательской и педагогической, общественной и досуговой повседневности местных и эвакуированных в Томск ученых. Рассматриваются особенности продовольственного снабжения ученых. Анализируется «жизненный мир» научной интеллигенции города, в котором важное место занимала научная деятельность в интересах обороны и тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Томск; научное сообщество; повседневность.

Неклассическая гуманитаристика характеризуется смещением фокуса исследовательского внимания с масштабных историко-социологических моделей общества к конкретным субъектам исторического и актуального процесса. Сегодня непосредственно человек, как в прошлом, так и в настоящем, предстает в качестве системы, осваивающей пространство и тем самым определяющей мир, который является предметом поиска в исторической науке.

Сдвиг «от системы к элементу» сопровождался возникновением новых отраслей научного знания. Одной из них стала история повседневности (*Alltagsgeschichte*), реконструирующая сферу обыденного, «жизненного мира» человека той или иной эпохи. Данное направление имеет философские (Э. Гуссерль, А. Шютц) и социологические (Н. Элиас, Франкфуртская школа, П. Бурдье) корни. Считается, что первыми в историческую науку понятие «повседневность» привнесли представители первого и второго поколений школы «Анналов», в первую очередь М. Блок, Л. Февр и особенно Ф. Бродель, автор понятия «структура повседневности».

Изменение подходов и институционализация повседневности как отдельной научно-исторической отрасли связаны с 1980-ми годами, когда одновременно в Германии (сборник «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни») и Италии (научная серия «Microstorie») появились идеологии новой социальной истории, признающие «частное достойным научного изучения» и декларирующие возможность «приблизиться к пониманию взаимосвязи между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью» [1]. Среди них были немцы Х. Медик и А. Людтке, итальянцы К. Гинзбург и Д. Леви.

Позднее сфера сторонников нового междисциплинарного течения расширилась за счет американских представителей «new cultural history» («новая культурная история») и третьего поколения школы «Анналов». Сегодня «история повседневности» называется в числе «наиболее перспективных направлений современной исторической науки» [2. С. 4].

В соединении со старым, известным еще классической историей бытописанием, а также микроисторическими и социальными подходами повседневность

выводит в центр исторических исследований не только «жизни незамечательных людей» [1], делая их главными действующими лицами истории, но и микротерриториальные единицы, в которых не начинают революций, не совершаются перевороты, не объявляют войн. Иными словами, провинциальная жизнь становится для историка наилучшей областью применения совокупности новых подходов. Таким путем шел, например, ученик Броделя, представитель третьего поколения «анналистов», французский историк Э. Ле Руа Ладюри, в своей самой известной работе описавший жизнь южнофранцузской деревни Монтайю на рубеже XIII–XIV вв.

В настоящей же статье рассматривается повседневная жизнь ученых г. Томска в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Выбор научного сообщества как предмета исследования связан с его особой ролью в истории города.

Томск, основанный еще в начале XVII в. на берегу р. Томи, в сибирской тайге, на протяжении столетий жил словно в приостановленном историческом времени, не нарушая патриархальную тишину своих улиц. Лишь последняя декада XIX в. стала для города судьбоносной. С одной стороны, выбор маршрута Транссибирской железнодорожной магистрали южнее Томска, через Обь, казалось бы, довершал его провинциальную изоляцию. Однако особый путь Томска был предопределен еще ранее указом Императора Александра II об учреждении первого в Азиатской России университета, положившего начало становлению Томска как крупнейшего в Сибири научно-образовательного центра. В эпоху социалистического строительства Томск стал двигателем социокультурного и промышленного развития всей Западной Сибири. Накануне Великой Отечественной войны в Томске, кроме университета, имелось еще 5 вузов. В них совокупно обучалось порядка 10 тыс. студентов. К этому надо добавить ряд НИИ, а также многочисленные техникумы, училища, рабфаки – атрибуты уже нового времени.

Правящая тогда коммунистическая партия через разные партийные структуры вошла в жизнь научного сообщества города, которое в рассматриваемый период все еще имело разнородный, мультикультурный преподавательский состав. Старая дореволюционная

профессура в нем сосуществовала с учеными, состоявшимися уже в советской науке.

Несмотря на то что одни видели в томских вузах перспективы «советского города-университета», «Советского Гейдельберга» [3. Л. 60], а другие, сравнивая их с крупнейшими западными университетскими комплексами, прямо называли город «Советским Оксфордом» [4. 1937. 29 авг.], Томск эклектично сохранял «старые, вросшие в землю, потемневшие от времени дома» [5. С. 6], отсутствие масштабной промышленности и всю тоже транспортную периферийность.

Кардинальный поворот в жизни ученых и всех граждан города датируется июнем 1941 г., началом Великой Отечественной войны. Пограничный, экстраординарный период в жизни людей определяет трансформацию повседневности, резкое изменение бытовых и профессиональных практик, межличностных коммуникаций, обеднение быта и сплочение на почве общенациональной трагедии. Победа в Великой Отечественной войне в литературе часто характеризуется как наивысшая точка развития советской цивилизации. Вместе с тем это было время, изменившее и власть и граждан страны, оставившее после себя целый пласт исторической памяти, череду специфических символов и особое мировоззрение человека, прошедшего через самую страшную войну в истории.

Профессор Томского университета Б.П. Токин, недолго до войны подвергшийся аресту и через год освобожденный, вспоминая о встрече эвакуированного в Томск академика А.А. Заварзина, описывал город конца 1941 г. как живший «напряженной, взбудораженной, боевой жизнью» [5. С. 6]. Токин подчеркивал контраст Томска того периода с его довоенным состоянием. Преподаватель историко-филологического факультета З.Я. Бояршикова, которую известие о войне застало в вагоне поезда, вспоминала, что по возвращении «сразу бросились в глаза и перемены в облике Томска: на всю жизнь города наложили отпечаток военные заботы» [6. С. 101]. Коренное преображение города совершилось за первые полгода после начала войны. Связано это было с эвакуацией в Томск не только промышленных предприятий, но и ряда вузов и НИИ из центра страны, а также перестройкой научной тематики.

Научная интеллигенция мгновенно отреагировала на начало Великой Отечественной войны. Группа томских профессоров с одобрения городской партийной власти создала Томский комитет ученых (ТКУ), объединявший и координировавший инициативы всего научного сообщества города на протяжении 1941–1945 гг. Возглавил его упоминавшийся выше Б.П. Токин.

Часть ученых отправлялась на фронт, оставшиеся стали перестраивать научную работу на военный лад. Газеты запестрели сообщениями ученых города, в которых те выражали свои обязательства перед обществом и государством в военной обстановке.

Вузы, преподаватели и студенты оставляли корпуса, освобождая их для размещения прибывавших в этот сибирский город предприятий, учреждений и госпиталей. Ученые, жители города открыли двери своих домов для размещения эвакуированных.

Например, из трех комнат квартиры томского служащего Ю.И. Могилевского самая большая была занята двумя рабочими с завода «Фрезер» и сыном московского профессора И.П. Чукичева с няней [7. С. 69].

Аспирантка Е.В. Гутнова, в будущем известный медievист, осенью 1941 г. эвакуированная из Москвы в Томск, с родными (всего 6 человек) была определена в одну комнату двухкомнатной квартиры в Заисточье почти без мебели [8. С. 210].

С трудностями на новом месте приходилось сталкиваться и маститым ученым. Тот же академик А.А. Заварзин сразу после приезда из блокадного Ленинграда был поселен вместе с семьей в комнате студенческого общежития Томского медицинского института (ТМИ) по адресу ул. Тверская, 7. В первые дни его семье помочь оказывали профессор Б.И. Лаврентьев (еще ранее в составе ВИЭМ эвакуированный в Томск), доцент ТМИ И.В. Торопцев, который выделил для Заварзина рабочий стол в своем кабинете, Б.П. Токин, принесший семье, «нуждающейся в самом элементарном», «газ, мочалку, мыло и соль». Вот что Токин позднее вспоминал об этом: «Впоследствии Алексей Алексеевич и его жена Зоя Ефимовна не раз вспоминали с увлажненными глазами этот эпизод» [5. С. 5–6]. Спустя некоторое время академику была предоставлена квартира в одном из деревянных домов на территории Университетской рощи.

Эвакуированные сотрудники Московского ВИЭМа также изначально были размещены в том же здании общежития, где и семья А.А. Заварзина. В отчетах отмечалось, что общежитие не отапливалось, в нем не было горячей воды, студенты ломали заборы для печного топлива, плохо работала прачка [9. Л. 16]. Позднее все ученые ВИЭМа были переселены из общежития.

Стоит отметить, что сложной была и эпидемиологическая обстановка в городе. Нередки были эпидемии различных болезней.

Характерно, что «притеснения» и в целом трудные условия существования, если верить редким воспоминаниям, не вызывали негатива в сознании жителей города. Открытые двери собственного дома и смешение людей вне зависимости от социального статуса, в сущности, отражали глубинную картину ментальности советского человека и определяли особый порядок интеракций, т.е. коммуникативных контактов, межличностных взаимоотношений городских обывателей Томска военных лет.

Не была нивелирована войной при этом мультикультурность внутри научного сообщества. Сказывались тоска и оторванность от родных городов приезжих профессоров и доцентов, столкновение с чуждой научной средой и, конечно, непростые бытовые условия. Подтверждением тому является тот же академик А.А. Заварзин, который сразу после прибытия в Томск с мрачным видом повторял окружающим фразу: «Я не приехал, меня привезли...» [5. С. 5]. Подчеркивается и то, что в Томске Заварзин попал «в чужую для него обстановку преимущественно московских виэмовцев» [10. С. 73].

Всего за первый год войны Томск принял около 60 тыс. эвакуированных граждан [4. 1965. 12 дек.].

В научном плане город стал «еще полнокровнее». В это время количество профессоров, доцентов, научных работников исчислялось в диапазоне от 900 [11. Л. 135 об.] до 1 000 человек [12. Л. 29 об.].

Лекции, заседания кафедр вузов, семинары ученых проходили в разных помещениях города: в здании малярной станции, Доме партийного просвещения, студенческих общежитиях и т.п. Едва ли не единственным зданием, оставшимся за Томским университетом, было здание Сибирского физико-технического института (СФТИ), которое стало штабом ТКУ.

Имелись трудности в городских коммуникациях: практически исчез городской транспорт, тот же университет сдал все грузовые и легковые автомобили, мотоциклы, лошадей, повозки, сбрую, не было телефонов на квартирах [6. С. 101–102]. Проживавшие вдалеке нередко вынуждены были ночевать прямо на рабочем месте, чтобы не тратить силы на дорогу [13. С. 291].

Тем не менее «тихий сибирский город зажил особым жизнью» [5. С. 6]. «Довоенная вялотекущая индустриализация сменилась промышленным скачком». Индустриальное производство города выросло более чем в три раза, а крупная промышленность республиканского значения – в шесть раз. Увеличилось и население Томска (с 144 тыс. в начале 1940 г. до 177 тыс. в 1944 г.) [13. С. 291].

Размещение в черте города масштабного промышленного комплекса вынудили Томский горком ВКП(б) построить железнодорожные ветки от станций Томск-I и Томск-II в центр города. В их прокладке принимали участие студенты и преподаватели томских вузов.

Вопросы совершенствования городских коммуникаций в годы войны неоднократно затрагивались и на заседаниях ТКУ. В 1943 г. Профессор Томского индустриального института (ТИИ), член ТКУ И.Н. Бутаков обратился с докладной запиской к центральным партийным и правительственные органам о положении г. Томска, в которой обратил внимание на необходимость совершенствования городских коммуникаций. Он писал: «Томск, стариннейший сибирский город, центр его культуры», по сравнению с Новосибирском, «остался в загоне... Было бы преступлением перед страной разрушать в Томске старую сложившуюся академическую жизнь, уничтожить эти очаги культуры, давшие народу выдающихся ученых, где создались целые научные школы» [14. С. 436–437].

Позднее правительством СССР был принят ряд решений по вопросам о строительстве городской канализации и водопровода, трамвая, pontонного моста через Томь, автоматической телефонной станции, заложивших «основы капитального развития городского хозяйства и благоустройства города» [4. 1965. 12 дек.].

Однако все это происходило уже после коренного перелома в ходе войны, с оттоком (реэвакуацией) научных кадров из Томска. Начальный период войны задавал иную, более неотложную повестку дня, а потому именно на это время, особенно на осень–зиму 1941–1942 гг., приходятся особенно тяжелые условия жизни и работы для ученых.

Касается это прежде всего продовольственного вопроса и доступности товаров первой необходимости

сти. Н.В. Кудрявцева, дочь профессора ТГУ В.М. Кудрявцевой, позднее вспоминала о зиме 1941–1942 гг.: «Отощавшие профессора и доценты бродили по окрестным деревням, обменивая барахлишко, игрушки и книжки на драгоценную картошку. Счастливчики – фотолюбители, у которых уцелел запас реактивов и пластинок (пленочных фотоаппаратов тогда еще не было), промышляли как бродячие фотографы с оплатой натурой. В катастрофических условиях ректорат подбрасывал спасительный спирт – этот универсальный продукт обмена» [6. С. 122].

Переход к карточной системе в СССР пришелся на лето–осень 1941 г. Сначала она была введена для населения Москвы и Ленинграда, а также ряда городов и пригородных районов Московской и Ленинградской областей, а с 1 сентября того же года нормированное снабжение хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было введено в других городах и рабочих поселках страны. Устанавливались четыре группы снабжения: рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Каждая группа имела приравненные к себе профессиональные категории граждан СССР [15. С. 64].

В соответствии с постановлением бюро Новосибирского обкома ВКП(б) и исполнкома Новосибирского областного совета депутатов трудящихся от 26 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия» среди горожан выделялись две категории снабжения. Профессора, доценты, научные работники относились ко второй категории (что соответствовало группе служащих). Их дневная норма составляла 600 г хлеба и 600 г сахара. Все товары отпускались по карточкам в столовых в установленных нормах [16. С. 24–25].

Нормы были предусмотрены и для других продуктов питания. При горисполкоме для выдачи и учета карточек было организовано городское бюро карточек в составе шести человек, составлен план по развертыванию торговой сети, задействованы неработающие хлебопекарни [17. С. 72–73].

На протяжении войны система снабжения категорий граждан корректировалась. Так, например, согласно распоряжению СНК СССР от 23 ноября 1942 г. № 22550-р преподавателям техникумов и ассистентам высших учебных заведений должны были выдаваться карточки по группам рабочих [18. Л. 54]. С 1943 г. все преподаватели высших учебных заведений получали продовольственные карточки по категории рабочих (распоряжение СНК СССР от 18.02.1943 за № 3509-р). В марте того же года на отделы снабжения вузов города было распространено положение об отделах рабочего снабжения (ОРСов) производственных предприятий, утвержденное СНК еще в 1942 г. [19. Л. 13, 16].

Вместе с тем материальное положение ученых, преподавателей вузов оставалось неудовлетворительным. Так, в сводном отчете ТГУ за 1943/44 учебный год отмечалось, что работники литературного снабжения в течение всего зимнего сезона совершенно не получали овощей, яиц, сухофруктов, которые полагались по обеденным талонам. Имелись задолженность в выдаче табачной продукции, перебои в поставках и проблемы с качеством продовольствия (мелкая рыба,

горькое растительное масло). Многие профессора и доценты были не удовлетворены жилищными условиями: на семью в 3–4 человека порой приходилась всего одна комната. Нижнее звено преподавательского состава (ассистенты, старшие преподаватели) терпело еще большие лишения [20. Л. 3 об., 4]. Из-за этого в университете возникли проблемы с комплектованием кадров низшего звена.

Однако стоит отметить, что в целом за время войны, несмотря на призывы в армию, состояние преподавательских кадров оставалось стабильным. Это было достигнуто за счет эвакуации в Томск научных сил из Европейской России и того, что город в рассматриваемый период был центром подготовки научных кадров (в начальный период войны в город был эвакуирован Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ)). И даже «реэвакуация московских и других научных работников в известной степени не ухудшила научного состава» вузов Томска [21. Л. 6 об.].

В 1944 г. многие эвакуированные ученые уже покинули город. Тогда же ситуация с материальным обеспечением продовольствием и товарами, бытовыми условиями, в которых жила научная интеллигенция, достигла критической точки. Так, во втором квартале 1944 г. на продуктовых базах Томска отсутствовали масло, сыр, крупы, хозяйственное мыло, папиросы и т.д. Ученые «испытывали нужду в самом необходимом», вынуждены были зимой самостоятельно заготавливать топливо и доставлять его на квартиры на салазках [22. Л. 4].

12 января 1944 г. на заседании президиума ТКУ был рассмотрен вопрос о нарушении постановления Наркомторга СССР по продовольственному снабжению томских ученых. Была подготовлена и направлена «до-кладная записка на имя облисполкома с указанием фактов невыполнения приказа № 308 Наркомторга СССР». Представитель ТКУ, председатель Комитета по улучшению быта ученых при ТКУ В.В. Ревердатто был командирован в Новосибирск «для постановки данного вопроса в областных организациях» [23. Л. 122]. Таким образом, в условиях централизованной системы распределения организованное научное сообщество нередко выступало корпоративным контрагентом власти.

Вскоре последовала реакция властей на сложившееся положение. В мае 1944 г. на заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) был принят ряд постановлений о новых требованиях «к вопросам удовлетворения материальных нужд и создания бытовых условий ученым». По результатам заседания было решено рассмотреть вопрос о создании жилищного фонда для томских ученых. Томский горисполком обязан был не позднее 1 сентября возвратить ученым ранее принадлежавшую им жилплощадь и восстановить в ней телефоны, строительным организациям и трестам Томска выделены стройматериалы «для производства капитального и текущего ремонта квартир ученых и для строительства в 1944 году 3 двухкомнатных и 4 однокомнатных квартир для видных ученых, имеющих 15–20-летний стаж работы в Сибири». Регулировались вопросы с топливом, банями, транспортом и т.д. [22. Л. 4 об. – 5 об.].

За годы войны тема улучшения материально-бытового положения ученых неоднократно поднималась на заседаниях Томского горкома ВКП(б) (см.: [24. Л. 55–72]).

Следует отметить, что не все члены научного сообщества в плане снабжения пользовались одинаковыми правами. В соответствии с приказом Наркомата торговли СССР № 170 от 2 июля 1942 г. для членов различных академий СССР, заслуженных деятелей науки и техники, лауреатов Сталинской премии выдавались продовольственные товары по нормам, установленным для рабочих и ИТР (инженерно-технических работников) предприятий особого назначения. В число специальных товаров, помимо прочего, входили шоколад (300 г в месяц), какао или кофе (500 г в месяц). Для элитарных научных групп создавались столовые закрытого типа, где давались обеды без зачета талонов хлебных и продовольственных карточек. Действие приказа распространялось и на членов семей заслуженных ученых [25. С. 7–8].

Позднее, в апреле 1943 г., Томским горисполкомом было издано постановление «Об улучшении бытовых условий заслуженных ученых – лауреатов Сталинских премий». Для академической группы ежедневно выделялось 10 л молока, единовременно 1,3 т семенного картофеля (всего на 25 человек), а также жиры, мясо, рыба и т.д. [16. С. 76–77]. Были предусмотрены и так называемые литературные обеды.

Привилегированный слой научного сообщества Томска составляли такие ученые, как В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина (профессора СФТИ ТГУ), А.Г. Савиных, Н.В. Вершинин, А.П. Азбукин (ТМИ), М.Д. Рузский (ТГУ), С.П. Сыромятников (МЭМИИТ), А.А. Заварзин (ТГУ) и ряд других. Среди них были лауреаты Сталинской премии, заслуженные деятели науки и техники РСФСР, член АН СССР.

Однако что объединяло всех ученых города без статусных различий, так это ведение хозяйства на собственных огородах. «Все мы в военное время были огородниками», – так вспоминал об этой стороне жизни ученых профессор Б.П. Токин [5. С. 11]. «Даже профессора и доценты, – отмечалось в одном из отчетов, – вынуждены были жить главным образом за счет собственных огородов и рынка» [21. Л. 48].

Организация индивидуальных и коллективных огородов стала массовым явлением в г. Томске именно в годы Великой Отечественной войны, когда городская власть выделяла землю для ведения собственного хозяйства многим жителей города, в том числе и ученым. Под шефством Томского комитета ученых осуществлялась и научно-консультационная деятельность по методам рационального устройства огородов [11. Л. 54–56 об.].

Профессор В.А. Хахлов, например, вел хозяйство на небольшом приусадебном участке при доме по ул. Никитина, где выращивал цветы для продажи. Будучи палеонтологом, он обобщил свой опыт выращивания томатов в профессиональной работе по агротехнике и сортознанию томатов «О культуре томатов в районе города Томска». Краткое предисловие к его работе написал профессор ТГУ, доктор сельскохозяйственных наук А.И. Купцов [26. Л. 1–31].

Решению продовольственного вопроса служили и подсобные хозяйства при вузах города. Так, дирекция ТИИ зимой 1941–1942 гг. организовала подсобное хозяйство в 40 км от города общей площадью посева в 42 га. В хозяйстве содержалось 11 лошадей, 3 коровы, 4 овцы. Урожай 1942 г. составил 11 т овса, 2 т проса и гречихи, 135 т картофеля, 40 т капусты. Весной 1943 г. дополнительно было организовано второе хозяйство в 10–12 км от Томска. К 1944 г. оно имело 10 лошадей, 52 единицы рогатого скота (в том числе 19 дойных коров), 33 овцы, 43 курицы, 32 пчелосемьи [27. Л. 17 об.]. Однако дефицит транспортных средств не позволил доставить в город большую часть урожая.

Все годы войны преподаватели и научные работники нередко в приказном порядке отправлялись работать не только в подсобные хозяйства, но и в колхозы области на прополку, заготовку кормов, уборку урожая и т.п., что временами вызывало недовольство. Так, в протоколе закрытого заседания партсобрания ТГУ летом 1942 г. отмечалось, что «посылка на сель[ско]хоз[яйственные] работы вызывала со стороны некоторых [сотрудников], как из числа научных работников, [так] и технического персонала, сопротивление». За отказ, кстати, могли уволить и даже отдать под суд [28. Л. 41].

Альтернативным вариантом приобретения продовольственных товаров был рынок. Последний был еще и местом обмена. Особенно ценным продуктом обмена, кроме уже упомянутого спирта, был, например, керосин. Связано это было с дефицитом топлива и электроэнергии (в начале войны дома не освещались, так как в Томске тогда была всего одна построенная еще в начале века электростанция).

Е.В. Гутнова вспоминает, что керосин, особенно в начальный период войны, был продуктом всеобщего поиска: выдаваемого по талонам обыкновенно не хватало и поэтому люди вынуждены были обменивать на него вещи и купленные дополнительно талоны [8. С. 216].

Прибегать к обмену на базаре людей заставляли высокие цены, бурный рост которых пришелся на вторую половину 1941 г. [29. С. 163–164].

В начале войны заработная плата преподавателей томских вузов колебалась в среднем от 700–900 руб. (доценты и старшие преподаватели с ученою степенью) до 1 000–1 500 руб. (профессора, заведующие кафедрами с ученою степенью) в зависимости от стажа работы [30. Л. 31–35].

Постановлением СНК СССР с 1 сентября 1942 г. для научных работников устанавливались новые оклады. Зарплата профессоров, заведующих кафедрами вузов, имеющих степень доктора наук, составляла от 1 700 до 2 300 руб. в зависимости от стажа, профессоров кафедр со степенью – от 1 500 до 2 000 руб., без степени – от 1 200 до 1 500 руб., доцентов и старших преподавателей – от 1 050 до 1 400 руб. (со степенью) и от 800 до 1 100 руб. (без степени) [4. 1942, 27 сент.].

Возможность регулярных покупок на рынке опять же была доступна главным образом привилегированному слою ученых. Любопытным источником в этом отношении являются записные книжки В.Д. Кузнецова, который с 1934 г. носил звание заслуженного дея-

теля науки РСФСР, а в 1942 г. стал лауреатом Сталинской премии. Так, в декабре 1942 г. (т.е. уже после повышения окладов) его заработка плата в ТГУ составила 2 297 руб. Дополнительно в том же месяце он получил академическую пенсию номиналом 500 руб. и ряд других доходов. С учетом всего этого Кузнецов имел возможность регулярно давать деньги своей жене и детям, делать покупки на базаре, свободно приобретая мясо, табак, мыло, уголь, чайник, одежду и т.д. [31. Л. 54–65].

Стоит отметить, что в дефиците для преподавателей и научных сотрудников были и предметы одежды (пальто, костюмы, платья, обувь, калоши, чулки, носки) [ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327. Л. 48 об.]. И это при том, что «наличие вещей было важным элементом, определявшим жизненный потенциал» [29. С. 187].

Однако конфликтное поле в среде научной интеллигенции города было очерчено иными, более тонкими гранями и не касалось статусных и имущественных различий. Антагонизмы ученых, как ни странно, временами напоминали фронтовые конфликты, известные нам по классическим советским кинолентам и военной прозе. Связаны они были с презрением к эгоизму, примату личного обогащения, трусости и так называемой шкурной позиции. Ведь в «нечеловеческих» условиях Великой Отечественной войны как на фронте, так и в тылу не каждый находил в себе силы сохранить лучшие человеческие качества.

Сын академика А.А. Заварзина, полный тезка отца, в будущем профессор ЛГУ А.А. Заварзин-младший, вспоминал эпизод из жизни семьи в эвакуации, когда в день прибытия в Томск они «усталые, не спавшие ночь, поплелись в столовую километра за два от общежития». В столовой не было свободных мест, и уставшему академику, о котором «все знали, конечно, что он только приехал из Ленинграда», никто не уступил места.

Заварзин-младший писал: «Наши старики [отец и мать], очень общительные по своей природе люди, хотели поделиться с окружающими своим восхищением ленинградцами, болью за оставленный город, преклонением перед его защитниками. Они с жаром принялись было рассказывать о недавнем прошлом, о жизни города, голода, бомбежках и артобстрелах. Но в большинстве случаев сразу же прекращали разговоры, увидев равнодушные, презрительные усмешки и недоверчивые высказывания. Повсюду холодом, было очень больно, мы чувствовали себя чужими среди этих эгоистов и обывателей... Среди общего горя, несчастий, голода здесь среди московских виэров царил дух самоуспокоенных обывателей, с мелкими интересами, кладовыми, набитыми впрок, про запас, и пустыми разговорами. Было стыдно за этих людей, стыдно и противно принадлежать к виэровцам – преимущественно сборищу трусов и шкурников» [10. С. 141–142].

Как уже было сказано, в первое время в Томске семья Заварзиных нуждалась в самом необходимом: керосине, хлебе, картошке, не хватало даже денег, что придает описанному эпизоду особое звучание.

То, что подобные конфликты в разнородном научном сообществе Томска времен войны закрепились на

уровне повседневных практик, подтверждают и воспоминания И.В. Торопцева о Б.И. Лаврентьеве: «Нередко ко мне в кабинет заходил Б.И. Лаврентьев... Лаврентьев жаловался, что он один, а кругом только люди, живущие пайками! "Ощущаете, как пахнет постным маслом!" – это визэсовцы жарят свою научную работу, вот приедет Заварзин, может быть нам удастся разогнать некоторых "москвичей" и приняться не за лепешки, а за настоящий труд» [10. С. 143].

Стржнем повседневности для большинства ученых в годы войны была педагогическая и, особенно, научная деятельность. В начале войны в одном из газетных сообщений старейший томский профессор Н.И. Карташов от имени ученых города пообещал «оправдать доверие, работать не покладая рук, отдать все свои знания, силы, а если потребуется и жизнь за то, чтобы Родина наша была самостоятельной, оставалась свободной, великой социалистической державой...» [4. 1941. 6 июля].

В памяти томских ученых на все годы войны это сообщение отложилось как клятва и стало своеобразным маркером (см.: [11. Л. 135]). Те члены научного сообщества, которые не поддерживали данные принципы, подвергались моральному ostrакизму со стороны коллег по цеху, что ярко иллюстрирует не только уже приведенный пример с «московскими визэсовцами», но и риторика докладов и обращений председателя ТКУ Б.П. Токина, в одном из которых он «наряду с подлинными героями» в качестве «исключений» упомянул профессора ТГУ Н.Н. Лаврова. «Как можно бездействовать, в то время как другие ученые проявляют подлинный героизм?», – задавался вопросом Токин на собрании ученых Томска в начале 1943 г. [14. С. 267].

Из-за нехватки помещений занятия временами растягивались на весь день. Так, в осеннем семестре 1941 г. в ТГУ последнее занятие заканчивалось в полночь [32. Л. 107]. К тому же занимались в практически неотапливаемых помещениях. В начале зимы 1941–1942 гг. в здании ТИИ лопнула часть труб парового отопления и температура в некоторых корпусах «мало отличалась от уличной». Писать приходилось карандашами, так как чернила замерзали. Не хватало учебных принадлежностей (журналов, тетрадей). На занятиях студенты и преподаватели временами сидели в шубах и рукавицах. Некоторые преподаватели проводили занятия у себя на квартирах (профессор ТИИ Р.А. Воронов, профессор ТПИ Г.Т. Чуч и др.). Занятия регулярно отменялись из-за участия студентов и преподавателей в субботниках, трудовых мероприятий [7. С. 68–69, 75–76].

В первые месяцы войны прибытие в Томск эшелонов с оборудованием эвакуированных заводов и размещение его на выделенных площадках потребовали не только консультационной поддержки со стороны ученых, но и физического труда. Вместе со студентами они расчищали площадки, рыли котлованы под фундаменты заводских корпусов, прокладывали подъездные пути. Доцент ТГУ Е.А. Аравийская вспоминала: «Помню, как во главе университетской колонны, направляющейся на Воскресенскую гору в оче-

редной трудовой поход, бодро шагал секретарь нашей парторганизации, человек далеко не молодой и далеко не блещущий здоровьем. Вспоминаю тоненькую хрупкую фигурку ассистента М.Д. Ходор, которая рыла котлован для завода электромоторов и строила насыпь для подъездных путей. Помню морозный день. На работу нам привезли хлеб и колбасу, которую надо было разогревать на костре, чтобы поесть. Некоторые женщины не ели этот паек, а после работы уносили его домой детям. С продовольствием было трудно» [33].

Осенью 1942 г. «бригада известных всей стране ученых» в составе лауреатов Сталинской премии, сотрудников ВИЭМа Б.И. Лаврентьева и А.А. Заварзина, а также профессоров Купалова, Разенкова, Шабада в рамках мероприятий по подготовке к зиме выезжала на лесозаготовки. Группа ученых пребывала на участках в течение 5 дней, после чего их сменяла другая бригада [4. 1942. 9 сент.].

В сложных условиях протекала и непосредственная научная деятельность ученых, в координации которой ключевую роль играл упомянутый выше ТКУ. Во второй половине 1941 г. произошло его организационное оформление, были созданы основные структуры: президиум, 5 постоянно действующих специализированных бюро, а в зависимости от текущих задач создавались временные комиссии и бригады. В начальный период войны заседания пленума ТКУ, на которых присутствовали члены комитета, ученые города из всех томских и эвакуированных вузов, собирались практически ежемесячно [14. С. 13, 18].

Научная работа, главное занятие ученых, отнимала большую часть сил и времени. Президиум ТКУ неоднократно ходатайствовал перед дирекциями (ректоратами) вузов об освобождении тех или иных ученых от преподавания (см.: [34. Л. 126–126 об.; 35. Л. 39]). Члены ТКУ ежедневно с двух часов дня принимали множество посетителей: инженеров и научных работников [4. 1942. 4 марта].

Важной частью трудовой повседневности ученых Томска, прежде всего биологов и геологов, были экспедиции. Так, для решения задач импортозамещения лекарственных растений члены ботанико-фармакологического бюро ТКУ (с 4 декабря 1941 г. – медико-биологического) организовывали заготовку лекарственного сырья в окрестностях Томска и регионах Западной Сибири и Алтая. Так, по заданию ТКУ и Томского университета весной 1942 г. профессор-ботаник ТГУ В.В. Ревердатто с коллегами отправился в экспедицию в Горный Алтай (Чемал). К слову, местный директор совхоза по указанию из Крайздрава оказал им прием «со всяческим содействием». Ревердатто в письме заведующей Гербарием ТГУ Л.П. Сергиевской писал: «Кормят нас "улучшенным столом" три раза в день, да так, как мы давно забыли. Все плавает в масле, много, обильно. Мясное, овсян[ая] каша с массой масла, творог, кефир. Мы еле выходили из-за стола. Кроме того, дают литр молока за 1 р. 20 к. Все питание стоит 12 р. в день» [36. Л. 1–2].

Профессор ТГУ Б.Г. Иоганzen в 1943 г. организовал ряд экспедиций по изучению запасов рыбы в во-

доемах Новосибирской области (рыбопромысловые во- доемы Нарымского округа), а в 1945 г. – по изучению р. Томи (от Новокузнецка до Томска) [37. С. 166].

Экспедиции геологов ТГУ и ТИИ (Ю.А. Кузнецов, М.К. Коровин, И.К. Баженов, В.А. Хахлов и др.) были направлены на поиск полезных ископаемых в Сибири. Ученые ТИИ занимались разработкой шахтного обо-рудования (Н.А. Чинакал, Д.А. Стрельников). Так, осенью 1941 г. Н.А. Чинакал совместно профессором ТИИ М.К. Коровиным побывали на Итатском месторождении [38. Л. 46]. Чинакал с бригадами геологов неоднократно выезжал на шахты Кузбасса для внедре-ния щитовой конструкции собственного изобретения. Под руководством профессора ТИИ Д.А. Стрельникова осуществлялись разработка проекта реконструкции шахты в Прокопьевске, работы по выявлению резервов на шахтах Кузбасса и т.д. [37. С. 400].

Другим уровнем повседневности томского ученого военных лет является общественная деятельность. И здесь стоит вспомнить, прежде всего, партийные орга-низации вузов, которые аккумулировали актуаль-ные для науки и ученых города вопросы.

Так, в начальный период войны в повестки дня партбюро СТАНКИНа и парторганизаций ВИЭМа и ТИИ входили такие темы, как помочь сельскому хо-зяйству области [39. Л. 1, 8], рационализация приго-родного хозяйства [40. Л. 16] и индивидуальных ого-родов [Там же], сбор теплой одежды для Красной ар-мии [39. Л. 1, 22], мероприятия по борьбе с эпидеми-ями [39. Л. 5; 40. Л. 1].

С самого начала войны в стране развернулись кампании по сбору теплых вещей для фронта. Не стал исключением и Томск. Так, коллектив ТИИ к 28 ок-тября 1941 г. собрал для фронта 2 400 единиц вещей [4. 1941. 30 окт.]. В газете «Красное знамя» отмечалось: «Полностью одеть одного бойца – такое обяза-тельство приняли на себя профессора и научные ра-ботники Томского индустриального института». Ве-щи сдали директор ТИИ К.Н. Шмаргунов, доценты А.Т. Логвиненко, В.К. Щербаков, Н.О. Забокрицкий. Профессор А.С. Бегехтин передал для бойцов шинель, бекешу и другие новые вещи [Там же. 20 нояб.].

Е.Н. Аравийская вспоминала: «В сентябре 1941 г. и позднее организовывали сбор теплых вещей для фронта. Валенки, шерстяные перчатки и варежки, меховые рукавицы, шерстяные носки, портнянки, теп-лое белье, свитеры, фуфайки, шапки-ушанки, ватные куртки и т.д. отдавали люди для посылки на фронт... Женщины нашего коллектива перешивали свои ме-ховые вещи на жилеты, куртки, обменивали на полу-шубки, чтобы послать их на фронт. Вскоре в городе был организован пошив теплых вещей для армии. Оставалось только вносить деньги для оплаты их. С большой заботой готовились посылки на фронт» [33].

Другой формой поддержки фронта стал сбор по-жертвований в фонд обороны. Преподаватели и науч-ные работники отчисляли в фонд однодневный за-работок, вносили облигации оплаченных займов, золотые и серебряные вещи и прочие ценности, участвовали в денежно-вещевых лотереях. Инициатором сбо-ра средств в ТГУ стал один из старейших коммуни-

стов города, лично знавший В.И. Ленина, заведую-щий кафедрой основ марксизма-ленинизма ТГУ, про-фессор А.Е. Абрамович [6. С. 100]. Он же одним из первых сдал облигации займа на сумму 12 110 руб., двое золотых часов, золотую монету номиналом в 20 долларов. Профессор В.В. Ревердатто сдал золотое ожерелье с драгоценными камнями, профессор В.М. Кудрявцева – облигаций займа на 6 640 руб., В.А. Пегель – на 8 000 руб., В.Д. Кузнецов – на 4 000 руб. и т.д. [4. 1941. 14 авг.].

«С величайшим подъемом и воодушевлением» в создании фонда обороны принимали участие сотруд-ники ТМИ. Профессор С.А. Адамов внес в него золотые часы, серебряные предметы и ценные монеты, профессор Н.В. Вершинин – золотые часы, цепь, кольцо, золотую монету и редчайший цейссовский бинокль. Последний в своем обращении по поводу сборов отмечал: «Создание фонда обороны будет служить огромной помощью для дальнейшего и окончательного разгрома фашистских варваров. Вот почему я с огромным удовольствием буду участво-вать в создании этого фонда» [Там же. 5 авг.].

Материальная поддержка Красной армии выражалась и в подписке на Государственный военный заем, выпущенный в 1942 г. (в честь этого события в городе был проведен митинг), а затем в 1943 г. («Второй гос-ударственный заем»). С большим энтузиазмом про-шла подписка на второй заем в ТГУ: уже к 10 вечера 4 июня сумма подписки составила 200 тыс. руб., к концу 5 июня превысила фонд месячной зарплаты (326 тыс. руб.).

Первым подписку завершил коллектив Научной библиотеки ТГУ. Большое участие в этом приняла директор библиотеки В.Н. Наумова-Широких. Харак-терно, что и здесь выделился высший уровень сооб-щества: часть профессоров ТГУ подписались на суммы, подчас значительно превышающие их зарплаты. Среди них тот же А.Е. Абрамович (подписка на 7 200 руб. при зарплате 1 980 руб., из них 1 000 руб. была внесена наличными), ректор ТГУ Я.Д. Горлачев (5 000 руб.), профессора В.М. Кудрявцева (на 7 000 руб.), К.Л. Баев (на 3 300 руб.), Г.Г. Григор (на 4 000 руб.), В.В. Ревердатто (4 000 руб.), Н.А. Приле-жаева (4 000 руб.) и др. [4. 1943. 6 июня].

Имели место и конкретные, адресные сборы средств. Так, в начале 1943 г. среди ученых, студен-тов, рабочих и служащих вузов Томска активно шел сбор средств на постройку эскадрильи сибирских са-молетов «За Родину!». В сборе участвовали все вузы г. Томска. В газете «Красное Знамя» в январские дни 1943 г. отмечалось: «Сбор средств проходит с боль-шим патриотическим подъемом» [Там же. 7 янв.].

В феврале 1945 г. по инициативе ТКУ и обкома работников высшей школы в помощь семьям фронто-виков и инвалидов было собрано 20 тыс. руб. Группа томских профессоров (Б.П. Токин, В.Д. Кузнецов, И.Н. Бугаков, В.С. Рогинский и др.) обратилась к уче-ным города с обращением: «Мы призываем интелли-генцию Томска принять горячее участие в создании денежного фонда помощи защитникам Родины. Будем заботиться о детях фронтовиков, об отцах и материах,

пославших своих сыновей на фронт, как о своих детях, своих материях и отцах» [4. 1945. 10 февр.].

Общественная деятельность ученых включала в себя и чтение публичных лекций, и участие в чтении лекций в воскресных университетах, и проведение культурных мероприятий для населения города. Так, в январе 1943 г. при ТГУ был открыт воскресный университет, где профессора ТГУ читали лекции по истории, литературе, биологии, физике, медицине, истории музыки. Университет ставил своей задачей удовлетворить культурные и научные запросы широкой публики и делал ставку на привитие «более или менее систематических знаний по тем или другим вопросам». Занятия проходили бесплатно по воскресеньям в здании историко-филологического факультета по адресу ул. Советская, 45 с участием «лучших сил университета» [Там же. 1942. 29 дек.]. Лекции в воскресном университете читали профессора М.А. Большанина, В.А. Хахлов, И.М. Поляков, Е.И. Лукин, Б.П. Токин и др. [Там же. 1944. 4 марта].

Делу массового просвещения служили и специальные образовательные курсы, организуемые при вузах города. Так, например, в том же 1943 г. историко-филологическим факультетом ТГУ был объявлен набор на общедоступный курс «Основы греческого и латинского языков» под руководством профессора П.И. Кагана. Занятия проходили в вечернее время в общежитии университета по адресу ул. Никитина, 4 [Там же. 1943. 27 нояб.].

В 1944 г. по инициативе ТКУ в Томске был открыт Дом науки и техники (пр. Ленина, 28). Его помещение использовалось для проведения публичных лекций, вечеров вопросов и ответов, семинаров и т.д.

Научно-исследовательская, организационная, педагогическая, общественная нагрузка, по сути, занимала большую часть дня ученого. Учитывая патриотический импульс военного времени, для подавляющей части профессорско-преподавательского корпуса города такое положение было естественным. Но это не исключало необходимости отдыха. Переходя к досуговому уровню повседневности, стоит оговорить, что прямые источники, описывающие отдых профессоров, доцентов, научных работников города в годы войны, ограничены. Но мы имеем свидетельства того, какими возможностями культурно-развлекательного характера располагали представители научного мира.

В то время ежедневно для жителя Томска был открыт городской сад. Вход был платный, и сад работал лишь в определенное время. Удобным местом отдыха была площадь Революции, но отсутствие навесов, крытых беседок делали отдых в нем не очень комфортным в жаркие или дождливые дни. На площади отсутствовало электросвещение, из-за чего посещение ее в вечернее время было затруднительным [4. 1942. 22 июля]. Для организации культурных зон отдыха требовались большие денежные затраты.

В начале войны в город был эвакуирован 1-й Белорусский драматический театр. Томский же драматический театр им. А.В. Луначарского с началом войны был переведен в Кемерово [7. С. 93].

Находясь в Томске, Белорусский драмтеатр показал 870 спектаклей, которые посмотрели около

750 тыс. человек. Театр обслуживал пригородные районы Томска, отправляя бригады на фронт, в село на посевную и уборочные работы, выезжал на гастроли в соседние города (в первую очередь в Новосибирск). В театре ставились пьесы Мольера, А.М. Горького, А.Н. Островского. Кроме классических произведений, инсценировались современные для военных лет пьесы, такие как «Фронт» А. Корнейчука, «Душа Москвы» Л.В. Никулина, «Давным-давно» А.К. Гладкова [4. 1942. 20 сент.] и т.д. Роли в них исполняли народные артисты БССР Г.П. Глебов, Е.А. Мирович, В.И. Мирович, И.Ф. Жданович, Л.И. Ржецкая и др. [Там же. 1944. 20 авг.].

Т.Ю. Могилевская, бывшая в годы войны студенткой ТИИ, вспоминала о 1-м Белорусском театре: «Актеры там были просто замечательные, и мы с Галей (обе заядлые театралки) старались не пропускать ни одного спектакля. Нестареющий «Платон Кречет» с Платоновым в главной роли; Станютой в роли санитарки («Чисто вся медицина сбежала») и Кудрявцевым в роли Береста; афиногеновская «Машенька» с очаровательной Жданович в заглавной роли; симоновские «Парень из нашего города» и «Русские люди» и множество других современных и классических пьес. На всех спектаклях зал был полон, так что иногда билеты приходилось «доставать» через знакомую билетершу» [7. С. 93].

В газетах отмечалось, что за три годы эвакуации в Томске театр «творчески окреп и поднялся на еще более высокую идеально-художественную степень», а артисты театра «заслуженно пользовались у томичей большим уважением и симпатией» [4. 1944. 20 авг.].

Культурную деятельность в Томске развернул и Ленинградский театральный институт, который за время пребывания в городе дал 142 концерта, организовывал для населения спектакли выпускных курсов. Коллектив института обслуживал Томское радиовещание, создал ансамбль «Прямой наводкой», который для томичей стал любимой формой радиопередач [Там же. 1943. 14 окт.].

Несколько раз за годы войны в Томск с гастролями приезжали труппа Ленинградского нового театра юного зрителя, а также Московский кукольный театр под управлением С. Образцова, Ленинградский академический драматический театр им. А.С. Пушкина.

Другой формой развлечения были концерты, в основном приезжих артистов. Давались они, как правило, в Концертном зале в здании краеведческого музея или в Актовом зале Научной библиотеки ТГУ. За годы войны в город с концертами приезжали певец М.В. Кусевицкий, quartet им. Глазунова в составе заслуженных артистов РСФСР И.О. Лукашевского, А.М. Рыбкина, Д.Я. Могилевского, а также Г.Л. Гинзбурга, Ансамбль песни и пляски И.О. Дунаевского и т.д. В октябре 1941 г. впервые в Томске на гастролях пребывала джазовая группа под руководством Л. Утесова [4. 1941. 14 окт.]. На гастроли приезжал народный артист СССР Ю.М. Юрьев. Известный исполнитель роли Петра Первого в одноименном кинофильме Н.К. Симонов приезжал с творческим вечером.

В городских кинотеатрах (кинотеатр им. Горького, кинотеатр им. И. Черных) и местных домах культуры

транслировались знаковые для военных лет киноленты, такие как, например, «Свиная и пастух» (1942), документальный фильм «Сталинград» (1943), «Два бойца» (1943), пользовавшийся особой любовью у зрителей, и др. С 27 октября 1944 г. на экранах кинотеатров демонстрировался фильм «Зоя», посвященный героической судьбе З. Космодемьянской. Только за первый день проката фильм посмотрело свыше пяти с половиной тысяч зрителей [41. С. 71].

Однако к концу войны 1-й Белорусский драматический театр реэвакуировался (1944), Ленинградский театральный институт был переведен в Новосибирск. Вновь обнаружились недостатки в культурно-развлекательной сфере города. Директор ТМИ Д.А. Жданов в 1945 г. отмечал, что в городе не было ни одного тетра, а работа кинотеатров оставляла желать лучшего. К концу войны требовалось восстановление материальной базы Томского драмтеатра, организация новых клубов, возрождение томского Дома ученых. Для облагораживания пригородных районов необходимо было проложить до них хорошие дороги, установить линии связи, открыть магазины и т.д. [4. 1945. 6 февр.].

Стоит отметить, что вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Томске начал работу Драматический театр им. В.П. Чкалова. Художественным руководителем стал поэт П.Г. Антокольский, приехавший специально для этого из столицы. В своем обращении к жителям Томска он выражал надежду, что коллективу театра «удастся установить живой контакт с новой для него аудиторией рабочих, научных работников, интеллигенции города» [Там же. 15 мая].

Среди ученых Томска репутацию заядлого театраля имел, например, В.Д. Кузнецов. В его архиве даже сохранилась рецензия на спектакль по пьесе М.Ю. Лермонтова «Маскарад», поставленный в Томском драмтеатре еще в довоенное время. В своих впечатлениях о первых спектаклях драмтеатра он писал: «На спектакле “Давным-давно” я искренне аплодировал и радовался тому, что в Томск прибыл театр им. Чкалова. Мои товарищи по науке разделяют мое мнение. Комедия “Сады цветут” подтвердила первое

впечатление. Запоминается талантливая игра артистов Кузнецова, Иванова, Куличенко, Аведичевой, Лондона и др. Хорош ансамбль гусаров во втором действии “Давным-давно”. Эффектен французский генерал – артист Брусин. Художникам удалось создать декорации, которые радуют глаз. Мы, ученые, приветствуем и поздравляем с успехом талантливых энтузиастов-артистов и желаем им творческого роста» [4. 1945. 15 мая].

Таким образом, мы видим, что жизненный мир ученого г. Томска в годы Великой Отечественной войны отличался контрастностью. Ученым приходилось жить и работать в полную силу в тяжелых условиях: давали о себе знать дефицит продуктов питания, топлива, электроэнергии, предметов одежды и т.д.

Повседневные практики ученых города были специфичны и характерны только для военных лет. Осуждение вызывало, в первую очередь, всякий, кто не прикладывал максимума усилий для принесения пользы стране в столь трудный момент, что было связано с чувством особой ответственности человека, работающего вдали от фронта, ощущением вины перед погибшими в боях. Сложившаяся в городе среда создала подходящий фон и атмосферу для развития науки и техники. В эти годы наблюдалась значительная концентрация профессорско-преподавательских кадров в городе. Эвакуация промышленности, вузов и НИИ значительно оживила город, превратив его в динамично развивающийся научный центр Сибири, место, где рождались научные идеи.

Период Великой Отечественной войны стал одним из ключевых этапов в складывании социальной идентичности научной интеллигенции города, когда корпорация ученых использовала рычаги воздействия на власть для улучшения своего положения, прежде всего материально-бытового.

Ученые, которых объединяли не только традиции старейшего университетского центра Сибири, но и патриотический подъем войны, работали в тесной координации друг с другом. За годы войны это позволило сделать целый ряд значительных научных открытий, нашедших применение на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. «История повседневности» как направление исторических исследований / Н.Л. Пушкарева. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 3.09.2016).
2. Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М. : РОССПЭН; Герм. истор. ин-т в Москве, 2010. 271 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-3. Оп. 10. Д. 1100.
4. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся). Томск.
5. Токин Б.П. Последние годы жизни и творчества академика А.А. Заварзина // Проблемы современной биологии : Тр. Ленинград. общества естествоисп. Т. 81–82, вып. 1. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 3–20.
6. С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны : сб. докл. и восп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 232 с.
7. Могилевская Т.Ю. Мне много лет (записки обычной томички). Томск : Изд-во ТПУ, 2003. 184 с.
8. Гутнова Е.В. Пережитое. М. : РОССПЭН. 464 с.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 357. Оп. 1. Д. 61.
10. Академик Алексей Алексеевич Заварзин: научно-биографический очерк. Неопубликованные материалы из арх. А.А. Заварзина и восп. современников. М. : Наука, 1994. 160 с.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10.
12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 22.
13. Томск. История города с основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.

14. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 480 с.
15. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Л. : Инф.-изд. бюро отдела торговли Леноблсполкома, 1945. 153 с.
16. Из истории земли Томской (1941–1945 гг.) : сб. документов и материалов. Томск, 1995. Вып. 3. 150 с.
17. Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : сб. документов. Томск, 1961. 488 с.
18. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 29.
19. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 30.
20. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 965.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327.
22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 768.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 2.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 203.
25. Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. М. : Сов. наука, 1942. 23 с.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 256.
27. ГАТО. Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 552.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 51.
29. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
30. ГАТО. Ф. Р-816. Оп. 17. Д. 275.
31. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 428.
32. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 275.
33. Аравийская Е.Н. Все для фронта! Воспоминания 1941–1945 гг. // Музей истории физики ТГУ.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 7.
35. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9.
36. ГАТО. Ф. Р-1801. Оп. 1. Д. 266.
37. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
38. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 5.
39. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 191.
40. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 175.
41. Жеравин А.И. Культура Томска в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: взгляд из XXI века : материалы региональной науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 68–74.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2016 г.

DAILY LIFE OF TOMSK SCHOLARS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 132–142.

DOI: 10.17223/15617793/412/22

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Great Patriotic War; Tomsk; academic community; daily life.

In this article, the daily life of Tomsk scholars during the Great Patriotic War is studied on the materials of archival documents, personal sources, periodicals, scientific literature. The authors describe the dynamic changes in the city image with the outbreak of the war, in connection with the relocation of industrial enterprises and universities and research institutes to Tomsk from the European part of the USSR. It is noted that the communal economy and transport communications of Tomsk in the period under review were underdeveloped. Only at the end of the war the foundations of communal economy were laid. Representatives of the academic community of the city, united around the wartime public coordinating body – the Tomsk Committee of Scholars, played a major role in this process. A conclusion is made that the beginning of the war, especially the winter of 1941–1942, was the most difficult period in terms of money and daily life organization for scholars evacuated to Tomsk. It is shown that the lack of public transport, loss of buildings by Tomsk universities and research institutes, lack of fuel and electricity significantly influenced the living and working conditions of the city's intellectuals. The conditions of the housing of evacuated scholars in Tomsk are considered. Based on the analysis of government and local regulations and orders, a conclusion is made about the status differentiation of scholars in income and distribution categories. It is stated that throughout the war years there repeatedly were problems with the supply of scholars with food and industrial goods. A conclusion is that the Tomsk Committee of Scholars was very active in improving the food supply, housing, etc. The academic community in the war period acted as a corporate counterpart of the city and regional party structures, which indicated the formation of the city scholars' social identity. The authors identify three main clusters of everyday life of Tomsk scholars in wartime: research and pedagogical, social and recreational. It is specified that research activities occupied most part of scholars' time. The authors study the basic forms of public activity of academic intelligentsia that were specific in wartime: collecting warm clothing, money and valuables for the defense fund, assistance to families of soldiers, etc. It is stressed that the intense and effective research work of scholars was based on the fundamentally patriotic sense of duty to the country, which found itself in mortal danger. However, there were specific interactions and features of everyday practices of scholars, and indifference, the narrow-minded position, the primacy of personal enrichment, unwillingness to participate actively in academic research designed to help the front were condemned. It is concluded that during the Great Patriotic War Tomsk developed the necessary material and moral conditions for the dynamic development of science and technology.

REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. (2010) “Istoriya povsednevnosti” kak napravlenie istoricheskikh issledovanij [The “history of everyday life” as the direction of historical research]. [Online] Available from: http://www.perspektivny.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenje_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm. (Accessed: 3rd September 2016).

2. Zhuravlev, S.V. (2010) *Istoriya povsednevnosti – novaya issledovatel'skaya programma dlya otechestvennoy istoricheskoy nauki* [The history of everyday life – a new research program for the national historical science]. In: Lüdtke, A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. Moscow: ROSSPEN; German Historical Institute Moscow.
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-3. List 10. File 1100. (In Russian).
4. *Krasnoe znamya*. Organ Tomskogo gorkoma VKP(b) i Gorodskogo soveta deputatov trudyashchikhsya (s avgusta 1944 g. – Tomskogo obkoma VKP(b) i Oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya). Tomsk [The organ of the Tomsk city committee of the CPSU (b) and the City Council of People's Deputies (since August 1944 – the Tomsk Regional Committee of the CPSU (b) and the Regional Council of People's Deputies). Tomsk].
5. Tokin, B.P. (1972) Poslednie gody zhizni i tvorchestva akademika A.A. Zavarzina [The last years of the life and work of academician A.A. Zavarzin]. *Problemy sovremennoy biologii: Tr. Leningrad. obshchestva estestvoispr.* 81–82:1, pp. 3–20.
6. Fominykh, S.F. (ed.) (2005) *S veroy v Pobedu!: Tomskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. dokl. i vosp.* [With faith in victory!: Tomsk University in the Great Patriotic War: reports and memories]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Mogilevskaya, T.Yu. (2003) *Mne mnogo let (zapiski obychnoy tomichki)* [I am old (notes of an ordinary woman, a Tomsk resident)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
8. Gutnova, E.V. (2001) *Perezhitoe* [Experienced]. Moscow: ROSSPEN.
9. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 357. List 1. File 61. (In Russian).
10. Brodskiy, V.Ya. (ed.) (1994) *Akademik Aleksey Alekseevich Zavarzin: nauchno-biograficheskiy ocherk. Neopublikovанные материалы из архива А.А. Заварзина и воспоминания его современников* [Academician Aleksey Zavarzin: Research and biographical essay. Unpublished material from the archive of A.A. Zavarzin and memories of his contemporaries]. Moscow: Nauka.
11. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 10. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 6. File 22. (In Russian).
13. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda s osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from the foundation up to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scholars in the Great Patriotic War, 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
15. USSR People's Commissariat of Commerce. (1945) *Sbornik vazhneyshikh prikazov i instruktsiy po voprosam kartochnoy sistemy i normirovannogo snabzheniya* [Collection of the most important orders and instructions on voucher system and rationed supply]. Leningrad: Inf.-izd. byuro otdela torgovli Lenoblispolkoma.
16. Trenin, B.P. et al. (eds) (1995) *Iz istorii zemli Tomskoy (1941–1945 gg.): sbornik dokumentov i materialov* [From the history of the Tomsk land (1941–1945): a collection of documents and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
17. Anon. (1961) *Tomskaya gorodskaya partiiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Tomsk city party organization during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 29. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 30. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 965. (In Russian).
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 327. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 33. File 768. (In Russian).
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 2. (In Russian).
24. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 203. (In Russian).
25. Anon. (1942) *Byulleten' Vsesoyuznogo komiteta po delam vysshey shkoly pri SNK SSSR* [Bulletin of the All-Union Committee on Higher Education of USSR CPS]. Moscow: Sovetskaya nauka.
26. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 256. (In Russian).
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-816. List 1. File 552. (In Russian).
28. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 51. (In Russian).
29. Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G. & Khlynina, T.P. (2011) *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyah sotsial'nykh transformatsiy* [The everyday world of the Soviet man of the 1920s–1940s: life in social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-816. List 17. File 275. (In Russian).
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 428. (In Russian).
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 17. File 275. (In Russian).
33. Araviyskaya, E.N. (n.d.) *Vse dlya fronta! Vospominaniya 1941–1945 gg.* [All for the front! Memoirs of 1941–1945]. TSU Physics History Museum.
34. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 7. (In Russian).
35. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 9. (In Russian).
36. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1801. List 1. File 266. (In Russian).
37. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
38. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 5. (In Russian).
39. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 191. (In Russian).
40. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 175. (In Russian).
41. Zheravin, A.I. (2010) [Tomsk Culture in the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya voyna: vzglyad iz XXI veka* [The Great Patriotic War: a view from the 21st Century]. Proceedings of the regional conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 68–74. (In Russian).

Received: 22 October 2016